

Подводя итог, необходимо отметить, что государственным крестьянам во второй половине XVIII века была предоставлена уникальная возможность принять опосредованное участие в законотворческом процессе, путем оформления собственных обычно-правовых представлений и воззрений в «крестьянских наказах».

Сафронова Елена Викторовна

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридический институт НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор

Новиков Олег Александрович,

кандидат юридических наук

Сафронов Никита Алексеевич

аспирант кафедры теории и истории государства и права

Юридический институт НИУ «БелГУ»

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ПРАВОСЛАВНОЙ ДОКТРИНЕ

История человеческой мысли – это история духовного искания, стремления осмыслить мироздание, понять место, которое занимает человек в истории. Однако часто не принимается во внимание то, что мир имеет как материальное, так и духовное измерение. Если сравнивать различные политико-правовые доктрины, то нельзя не заметить, что с незапамятных времен история мысли, как и история человечества, проходила, и проходит под знаком борьбы двух противоположных начал – «идеи» Творца и «идеи» «восстания» против Него Его творения – человека. По словам Ж. ле Гоффа, - «Не осознавая ясно того, насколько «заняты» (замена авт.) были люди Средневековья жадой спасения... совершенно нельзя понять их ментальности, а без этого неразрешимой загадкой остается поразительная нехватка у них жажды жизни, энергии и стремления к богатству»¹. Н.М. Золотухина, говоря о политико-правовых идеях Древней Руси, отмечает, что: «...ключом к пониманию» мышления людей Средних веков «является «толковый словарь» символов Священного Писания [загл. авт.]»².

Впрочем, можно представить историю политико-правовой мысли и как некий «непрерывный прогресс» - процесс освобождения от религии, что отчасти будет верно применительно к западной мысли в последние пятьсот

¹Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004, - С. 50.

²Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. – М., 1985. – С. 5.

лет, или даже ранее, - если «точкой отсчета» считать церковный раскол, который обрел явные контуры к 1204 году – после завоевания Константинополя крестоносцами (когда «стремление к богатству» все же «соорудило» первые бастионы в душах европейцев).

Христианский взгляд на историю приводит к выводу о противостоянии Божественного Замысла, воплощенного при Сотворении человека (этот догмат принадлежит к числу основных в христианском вероучении¹), - который прошел через его Искупление Христом и история которого, отражается, в частности, в эсхатологии, – учении о судьбах мира и человека, и сил, которые этому Замыслу противостоят. Сам человек, являясь своеобразным «орудием», делает свой выбор, становясь на сторону добра или зла, - определяя для себя «добро» и «зло», даже в том случае, когда он отказывается от такого признания, ибо «отказ» – также выбор человека, не остающийся без последствий. «Что здесь цивилизации? ... почему не все они родились под сенью креста? Потому что Творение сложнее, чем кажется. Ведь от всей партитуры пьесы люди знают лишь один небольшой фрагмент, да и то нетвердо»², – отмечает Д. Володихин. Христианство занимает совершенно особое положение по отношению к иным религиям, так как все религии только ищут Истину, а Православное христианство ей обладает. Можно сказать и то, что остальные религии – вовсе не религии в том плане, что их нельзя сравнивать с христианством. Если в иных религиях, обращение к Создателю якобы нужно Ему, то в христианстве оно необходимо, прежде всего, самому человеку.

Прежде всего, стоит отметить, что христианство изначально ищет смысл, оправдание человеческой жизни вне материального мира. Например, по словам христианского подвижника Исаака Сирина, «Отрешение от вещества по своему происхождению предшествует союзу с Богом»³. Подробный анализ происхождения греха содержится во многих произведениях Св. Отцов Православной Церкви. Так, например, Авва Дорофей пишет: «Бог сотворил человека по образу Своему... Но когда он [человек] преступил заповедь... отпал от естественного (состояния)⁴ и впал в противоестественное, и пребывал уже в грехе... Тогда мало-помалу начало возрастать зло... И тогда то благий Бог, умилосердившись над своим созданием, дал ему через Моисея написанный закон»⁵. То есть, здесь напрямую отмечается, что право есть ни что иное, как следствие греха.

¹ Митрополит Макарий (Осинюк). Эсхатология Св. Григория Нисского. Киев, 2006. – С. I.

² Традиция и русская цивилизация. М., 2006. – С. 44.

³ Творения Аввы Исаака Сирина. Слова подвижнические. – М., 1993. – С. 6.

⁴ Состояния единения с Творцом.

⁵ Авва Дорофей. Душеполезные поучения. - Псков, 1994, - С. 20.

Однако, закон при этом говорит: «Возлюби Господа Бога твоего всею душею твоею, и всею мыслию твоею (Второзак. 5). Таким образом, человеку подсказывается некий «магистральный путь», – то, из чего он должен исходить в своих поступках. Это делается прежде всего потому, что так будет лучше для самого человека. Нарушение нравственного закона всегда негативно сказывается и на государстве, и на обществе, и на жизни отдельного человека. Об этом свидетельствует опыт истории. И вопрос здесь, в первую очередь, – о наличии, и, одновременно, – о совершенстве нравственного закона, так как несовершенный закон не может в полной мере претендовать на звание «нравственного». В связи с этим, Авва Дорофей продолжает: «И так, благий Бог дал закон в помощь для обращения от зла, для исправления онаго; однако оно не исправилось... И Иеремия¹ также говорит: «врачевахом Вавилона, и не исцѣльл» (Иер. 51, 9)... Тогда, наконец преблагий и человеколюбивый Бог послал едиnorodного Сына Своего; ибо один только Бог мог исцелить такую болезнь»². Здесь подчеркивается важность принятия Христа, как единственного Искупителя. Точно также, государство, считающееся христианским, призвано основываться в своей политике на нравственном законе христианства. Цель христианства, и через него, – христианской политики, – не только установление правил человеческого общежития, как в Ветхом Завете, а уничтожение самой причины зла – греха. Причем нарушение закона становится грехом, так как «Грех есть преступление (нарушение) заповеди Божией, или... грех есть беззаконие (1. Ин. 3,4)»³. По словам Иоанна Лествичника, «законопреступником» является тот, кто совмещает Истину и ложь⁴. Стоит также отметить, что указанный подход сохраняется и в современной Православной Церкви. Например, Свт. Николай Сербский (Велимирович) говорит о том же применительно к событиям сербской истории XX века: «Мы оскорбили Господа и были наказаны. Попрали все, что было свято для наших отцов, и сами ныне попираемы. Не было в наших школах веры, в политике – честности, в армии – патриотизма, на государстве – благословения Божия. Потому и погибли... Двадцать лет⁵ мы старались не быть похожими на самих себя, и за это покрыла нас тьма чужеземная... Каким путем пойти нам теперь? Не тем, только не тем, которым двадцать лет шли»⁶.

¹ Ветхозаветный Израильский Пророк.

² Авва Дорофей. Душеполезные поучения. - Псков, 1994, - С. 20-21.

³ Шиманский Г.И. Учение святых отцов и подвижников Православной Церкви о борьбе с главными греховными страстями и о добродетелях. – М., 2007, - С. 18.

⁴ Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на небо. - М., 2006. – С. 25.

⁵ Святитель имеет ввиду период после окончания Первой мировой войны – в 1918-1941 гг.

⁶ Николай Сербский, святитель. Сквозь тюремное око. – М., 2006. – С. 9-11.

В то время как современная доктрина католичества говорит об обратном. Например, в документах Второго Ватиканского Собора (1962-1965 гг.) отмечается, что «...Церковь и сообщество служат... призванию одних и тех же людей. Свое служение ради всеобщего блага они будут нести тем успешнее, чем лучше они будут развивать здоровое сотрудничество между собою, принимая во внимание условия места и времени»¹. По словам Антонио Меннини, – представителя Ватикана в России (в 2006 году), «Государство и Церковь, хотя разделенные и независимы... служат одним и тем же людям... чтобы, как гласит, например, 1-ая глава соглашения между Италией и... [Ватиканом] 1984 г., они могли содействовать «развитию человека и благу государства»»². Здесь просматривается, прежде всего «курс» на «широкий компромисс» с миром. Для этого достаточно сравнить приведенные слова с VI Новеллой Св. императора Юстиниана: «Есть два величайших блага, дары милости Всевышнего людям – священство и царство. Каждое из этих благ, дарованных людям, установлено Богом, имеет свое собственное назначение. Но, исходя из одного и того же начала, оно и проявляется в единении, в совместной деятельности»³. Какова же цель, которую преследовал император в своей Новелле? Почему в христианской империи появилась концепция симфонии властей?

Поскольку право является следствием греха, то сам грех и его последствия необходимо преодолеть, – ибо оправдать существование права можно только в том случае, если оно служит высшим идеалам. Для Византийской империи таким идеалом было «воцерковление» общественной жизни, стремление к которому воплощалось в политической доктрине и законодательстве империи «ромеев».

Так, например, по словам Исагоги, – византийского законодательного и литературного памятника: «Цель патриарха – во-первых, та, чтобы тех людей, которых он принял от Бога, охранять в благочестии и чистоте жизни... он должен всех еретиков по возможности обращать к Православию и единству Церкви... а еще приводить к перениманию веры своего служения... спасение вверенных ему душ; он должен жить во Христе и распяться для мира... Царь же имеет подкреплять, во-первых, все написанное в Божественном Писании, потом также все догматы, установленные семью Святыми Соборами...»⁴.

Новелла императора Романа I Лакапина (920-945 гг.), вообще представляет собой исключительное явление среди когда-либо издававшихся

¹ Отделение Церкви от государства – хорошо это или плохо // Фома. - 2006. - № 9(41).

² Там же.

³ Шмеман А. Исторический путь Православия. – Киев, 2003. - С. 205.

⁴ Там же. - С. 276.

законов. В ней, в частности, император говорит: «Есть люди, которые заботятся только о земных благах и временном благополучии, отказываясь, таким образом, от прав на небесные награды, и забывая о Дне Судном. Такие люди... причина всех бедствий; отсюда происходят всяческие замешательства, отсюда великие и долгие страдания и многие стоны бедных. Но за бедных вступает сам Господь. Если же Сам Бог, возведший нас на царство, восстает на отмщение убогих, то как можем мы пренебречь своим долгом или вконец забыть о своей обязанности, когда именно от очей царских бедняк ждет себе здесь утешения»¹. Сама Новелла была направлена на защиту крестьянского землевладения от злоупотреблений со стороны т.н. «властелей», - сельской «аристократии».

«...Немало мы были обременяемы жалобами бедных... и, много раз путешествуя к войскам и проходя области царства нашего, собственными глазами видели совершающиеся ежедневно несправедливости и обиды в отношении к ним... Не должны ли мы сами вступить, обуздать сильных, поддержать бедных в принадлежащих им правах, которые злым образом бывают у них отнимаемы или похищаемы обманом»², – говорит другой византийский император, – Василий II Болгаробойца (976-1025 гг.), в 26-й Новелле, изданной в 988 году.

Основой права при святоотеческом подходе является не «автономная» человеческая воля, а Божественный Закон, следование которому раскрывает способности человека, обозначает цель его жизни, которая «на Небесах». Нравственный закон, о котором современная юридическая наука почти ничего не говорит, является неизменным, вне зависимости от исторических условий, или отношения к нему. Если подходить к этому с христианских позиций, то нравственный закон иных религий в упрощенном виде можно назвать искажением христианского нравственного закона. При этом любая религия так или иначе говорит об Истине, в то время как допущение существования «нескольких» истин уничтожает религию. Христианский писатель, Максим Исповедник так говорит об Истине, по его словам – «истинном ведении»: «Разумным [существам] присуща естественная красота – слово. Красотой слова является строго сообразное с разумом разумение словесных [тварей]; красотой же разумения – ...навык... в добродетели под руководством разума. А красотой этого навыка служит безошибочное созерцание, возникающее из истинного ведения, целью которого является

¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. Период Македонской династии (867-1057). - М., 2002. - С. 316-317.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. Период Македонской династии (867-1057). - М., 2002. - С. 318.

мудрость, это яснейшее завершение разума, представляющее собой как бы разум, приведенный в состояние совершенства по естеству, каковым и является чистый ум, достигший в соединении с Причиной [всего] премысленного состояния. В этом состоянии... он неведомым образом придерживается только одной этой Причины...»¹. По его же словам, «злом является забвение истинных благ»², а «чистое служение – доведенное до совершенства житие [наше]»³. Таким образом, становится понятно, что власть, руководимая такой идеей, не могла остановиться на «полпути», провозгласив только лишь религиозную свободу, а закономерно пришла к необходимости христианизации государства и самому активному участию в «устроении» церковной жизни, причем без каких бы то ни было просьб со стороны самой Церкви.

Вместе с тем, вопрос о том, почему государство, общество и человек должны следовать Божественному Закону, если исследовать только лишь раскрытие проблемы греха в произведениях Отцов Церкви, является в определенной степени открытым, так как необходимо понимание этого. Однако человек находится в силу самого факта своего рождения в самых тесных отношениях с Богом, так как он – Его творение. Так, например, Апостол Павел говорит в своем послании Коринфянам: «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние?» (1. Кор., 12 : 13-17).

Прежде всего, стоит отметить, что, по словам Иоанна Кассиана Римлянина, «...мы не должны думать, чтобы Бог сотворил что-нибудь по существу злое, когда Св. Писание свидетельствует: все, что Бог сотворил, весьма хорошо (Быт. 1, 31)»⁴. По словам Филарета Московского, - «Бог есть Господь наш по праву сотворения, – если мы почитаем собственным дом, который создаем... то не без сравнения ли большее право имеет Бог, как собственностью Его распоряжаться всем, что мы имеем и что есмы?»⁵.

Приводя пример Евангельских Притч о расслабленных, епископ г. Фессалоники, Свт. Григорий Палама говорит: «Что было причиной болезни в

¹ Максим Исповедник. Творения. В II кн. Кн. II. Вопросыответы к Фалассию. Часть I. Вопросы I-IV. – М., 1994. – С. 18.

² Там же. – С. 19.

³ Там же. – С. 57.

⁴ Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. – М., 1892. – С. 562.

⁵ Филарет Московский. Творения. Слова и речи. Т. 1. (1803-1821 гг.). – М., 2003. – С. 207.

них? – Грех... Оный Иерусалимский расслабленный лежал при исцеляющей Силоамской купели, так и вы отнюдь не отступали от... Церкви, но, как и тот не имел помощника, так и у вас не было здесь пастыря»¹. Таким образом, Григорий Палама говорит здесь как раз об участии Церкви в общественной жизни, ее содействии созидательным начинаниям власти, так как, по словам Амвросия Медиоланского: «Учительство составляет существенную обязанность епископского звания»².

О каждой идее можно судить в полной мере только лишь в случае ее наиболее полного осуществления. Так, например, порочность фашизма, наиболее последовательно воплощенного в Германии, очевидна. Сложнее обстоит дело с коммунистической идеологией, которая и в наше время имеет немало сторонников и часто представляется противоположностью либерализма. Однако коммунизм также ищет земного «рая», отказываясь, по словам Новеллы византийского императора Романа Лакапина (920-945 гг.), от «прав на небесные награды, и забывая о Дне Судном»³. Однако необходимо учитывать, что ее воплощение происходило далеко не в «чистом виде», как это может показаться. Так, например, Ф. Энгельс, в ответ на речь русского революционера М. Бакунина на общеславянском конгрессе в Праге в 1849 году о «братских революционных народах», сказал, что «речь идет не о братском союзе всех революционных народов... а о союзе революционных народов против контрреволюционных»⁴. Это, несомненно, роднит теоретика коммунизма с фашизмом. В России коммунизм впитал такие традиционные доминанты русской, или даже православной, византийской культуры, как соборность, стремление к справедливости (Правде), поиск Истины, и др. То же самое можно сказать и о Китае, где западная «псевдорелигиозная ересь» (коммунизм, по словам А.Дж. Тойнби) образовала синтез с конфуцианской этикой. Что же касается либерализма, то его наиболее полное и последовательное воплощение пока еще не наступило. Однако в истории есть пример Римской империи, где с одной стороны, человек был «мерой всех вещей», и, например, Апостола Павла как римского гражданина специально повезли на суд в Рим, а с другой – тысячи таких же людей, хотя и не граждан Рима, гибли не на полях сражений, и даже не в каменоломнях, а в гладиаторских боях. Вместе с тем, при светском подходе нельзя затронуть проблему «вреда» того или иного государства для Спасения душ людей – того,

¹ Беседы (Омилии). Свт. Григорий Палама. – Монреаль, 1965, - С. 18.

² Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. Три книги. Кн. Первая. Казань, 1908. – С. 3.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. Период Македонской династии (867-1057). - М., 2002. - С. 316.

⁴ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004, - С. 160.

чему призвана служить Церковь. Наличие противостоящих друг другу человеческих амбиций в таких условиях становится, пожалуй, главным препятствием к Спасению. Причем корень проблемы заключается в злоупотреблении человеческой свободой, когда личность становится на место Творца. По словам Свт. Филарета, митрополита Московского: «Как произошло зло? – Оно произошло так, как происходит темнота, когда зажмуришь глаза. Сотворивший око не виноват, что ты закрыл глаза и тебе стало темно»¹. Он же говорит, что «Свобода, исключая всякую возможность уклонения от добра, есть всесовершенная, Божеская»².

Однако нельзя не рассмотреть также и примеры того, когда даже при формальном сохранении в обществе определенной, - внешней религиозности, тем не менее, речь идет о фактическом отступлении от Истины. При этом очевидны параллели как раз с атеистическими режимами и обществами, подчас в самых резких их формах. Так, например, американские пуритане строили «земной рай», что подтверждает мысль А. де Токвиля о том, что цивилизация Америки основывается на исключительно приземленных идеях, которые не имеют, в сущности, никакой внутренней связи с христианством. Власть над миром, к которой стремятся Соединенные Штаты, получает свое теоретическое обоснование в т.н. «идеи божественного предопределения».

Интересы одной страны, или, точнее одной нации – англосаксов «становятся» интересами всего человечества. И, кроме того, все действия этой нации оправданы, так как человек стал «истиной», и лучше всего этот идеал воплощается в англосаксах. Необходимо отметить, что идея о единстве всего «англосаксонского мира» проходит красной нитью через многие произведения. Так, например, о ней писал У. Черчилль, Р. Киплинг называл ее «долгом белого человека», колонизатор и, одновременно, идеолог английской экспансии С. Родс, в честь которого были названы две английские колонии (на территории которых в настоящее время существует две африканские страны), прямо говорил, что «...мы первая раса на Земле и чем шире мы населим мир, тем лучше будет для человечества»³. По словам французского мыслителя А. де Токвиля «царства свободы нельзя достичь без господства нравственности, также как нельзя сделать нравственным общество, лишенное веры»⁴.

Однако нельзя не принять здесь во внимание факт появления христианства. Истина Христа «обновила» человечество, и чтобы «запустить»

¹ Филарета, Митрополита Московского и Коломенского творения. – М., 1994. – С. 341.

² Там же. – С. 341.

³ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004, – С. 67.

⁴ Токвиль. А. де. Демократия в Америке. - М., 1994. – С. 33.

разрушительные процессы, требовался новый «импульс», так как культура, будучи отражением реальности, базируется на определенном фундаменте и отражает ценности, существующие в обществе. Отличительная особенность христианства – целостность, проникновение Истины во все сферы общественной жизни. Христианство принесло в мир солидарность – соборность. Оно говорит об этическом равенстве людей – «едином христианском народе», обществе «равных возможностей» для спасения души, об абсолютных критериях добра и зла. Свт. Григория Палама так говорит жителям Фессалоники¹, после его назначения на епископскую кафедру в этом городе: «...мы... являемся братьями друг другу как сущие от одного земнородного Адама и едино сотворенные по образу Божию. Мы же... [«ромееи» – византийцы, жители Фессалоники] являемся братьями друг другу и как чада одного и того же народа... особенно – как все обладающие богатством иметь общую Матерь – Священную Церковь и Православие... Но... часто приходящая ненависть уничтожила наше единство... говорю не в целях порицания, но для того, чтобы, познав болезнь... стали внимательны»².

В настоящее время такое общество воспринимается совсем по-иному, чем тысячу или пятьсот лет назад. «Облегченное» христианство, из которого изъята его главная часть – следование воле Творца – смирение, перестает быть таковым. В государственной жизни, в отличие от жизни отдельного человека, это не всегда сказывается сразу, – как только общество перестает вкладывать реальное содержание в слова «Да будет Воля Твоя». Человек, отказавшийся, в отличие от ветхозаветного Исаака, пожертвовать ради Истины самым дорогим, со временем теряет все. «Где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Так, например, отказавшись от Православия, Византия прекратила свое существование, так как власть утрачивала свою «дееспособность» в эпохи, когда стремилась следовать сиюмитным целям, какими бы благими они ни казались на первый взгляд. Такая ситуация имела место в период заключения церковных уний с католическим Западом с целью спасения гибнущего государства. Но власть добила лишь того, что подданные с сожалением отвернулись от империи, существование которой только ради самого существования, оказалось им просто не нужным. Будущий Константинопольский патриарх Геннадий Схоларий, который в то время находился в уединенном монастыре, писал за 14 лет до падения столицы Византии: «О жалкие ромееи! Зачем вы сбились с праведного пути: удалились

¹ В настоящее время: г. Салоники в Греции.

² Беседы (Омилии). Свт. Григорий Палама. – Монреаль, 1965, - С. 15-17.

от надежды на Бога и стали надеяться на силу франков; вместе с городом¹, в котором все будет разрушено, отступили вы и от благочестия вашего?... Обратите, несчастные граждане внимание: что делается? Вместе с пленом, который скоро настигнет нас, вы отступили и от отеческого предания и стали исповедовать нечестие. Горе вам, когда придет на вас суд Божий»².

Важной частью христианской духовной традиции является «бегство» от мира, от его соблазнов, будь то соблазны индивидуальные или «коллективные» – земное богатство, власть, и т.д.

Следствием проникновения мирского духа в западное христианство, своеобразным импульсом разрушения христианской культуры, стало католичество, вернее церковный раскол, в результате которого появилось и папство, и современная западная цивилизация. Как отмечал перешедший из католичества в Православие архимандрит Владимир Гетте, – «папство с девятого столетия захотело наложить на Вселенскую Церковь – и притом во имя Божие – иго, неизвестное в первые восемь веков»³. Вряд ли со всей точностью можно было бы определить с чего именно начался этот процесс, однако очевидно стремление к тому, чтобы поставить волю человека и сиюминутный интерес, выше мнения Церкви и авторитета Вселенских Соборов, проявившееся при возникновении Западной цивилизации. Таким образом, логичным представляется вывод о том, что Запад - это цивилизация разрушения, а развитие материальной стороны жизни только скрывает духовное оскудение. Так, например, К.Н. Леонтьев, сравнивая существование государств с жизнью людей, писал, что человек и во время болезни может отличаться «бурной деятельностью», вернее, ее иллюзией, но это не скроет сам факт болезни. И здесь можно выделить по крайней мере две предпосылки возникновения западноевропейского гуманизма:

- стремление к «земному царству». Так, например, в 800 году на Западе появилась «своя» империя и «свой» император – в противовес Византии, что в политических категориях того времени было немыслимо, так как христианский мир рассматривался как единое целое.

- стремление поставить акцент на человеческой природе Христа, что, возможно, с одной стороны, имеет основанием арианство⁴, которое отрицало Божественность Спасителя, а с другой, – также отражает стремление к

¹ Геннадий Схоларий говорит здесь о Константинополе, который в Византии называли просто «город», как впрочем, называют и сейчас в Греции и в греческом мире.

² Архимандрит Тихон (Шевкунов) Византийский урок. <http://www.otechestvo.org.ua/main/20082/1307.html>. (Дата обращения – 4.05.10).

³ Архим. Владимир (Гетте). Папство как причина разделения церквей, или Рим в своих сношениях с Восточной Церковью. – М., 2007. – С. 243.

⁴ Учение, осужденное как ересь, согласно которому Христос имеет не Божественную и человеческую природу, а только человеческую.

«земному», к «приближению небесного», которое, однако, можно «совершить» без соответствующего духовного опыта.

От внешнего «подражания Христу» проистекает и особое отношение к «правам» человека, его достоинству, что проявлялось, среди прочего и в рыцарской культуре. Ведь если человек, таким образом, «приближается» к Христу без чувства смирения перед Ним, то это является питательной почвой для развития представлений об исключительной самоценности человека, завуалированной в идее его «прав». Кроме того, как писал А.С. Хомяков, «...Церковь для западного христианина сделалась чем-то внешним... она обратила человека себе в раба, и, вследствие этого, нажила себе в нем судьбу... Как только авторитет сделался внешней властью, а познание религиозных истин отрешилось от религиозной жизни, так изменилось и отношение людей между собою: в Церкви они составляли одно целое, потому что в них жила одна душа; эта связь исчезла, ее заменила другая – общеподданническая зависимость всех людей от верховной власти Рима»¹.

Причем запад «паразитировал» на Византийской империи, так как им не было выдвинуто в то время ни одной своей идеи. Однако, понимая ущербность такой «традиции», несправедливость «кражи империи», Европа постепенно приходит к необходимости завоевания Византии. По словам русского византиниста Ф.И. Успенского, «то обстоятельство, что императорское достоинство сохранилось в Византии, наполняло умы политических деятелей Западной Европы озлоблением. Неудивительно поэтому, что очень рано возникла на Западе мысль о том, что нужно во что бы то ни стало отнять императорское достоинство у византийских царей»². Говоря о захвате Константинополя крестоносцами он задает вопрос о том, как могли христиане так «озлобиться»³. По словам же А.С. Хомякова, «Самим своим действием (то есть самовольным изменением символа⁴) римский мир подразумевательно заявил, что в его глазах весь Восток был не более как мир илотов в делах веры и учения»⁵. Как отмечает В.В. Сорокин, либерализм перенял у протестантизма и католичества представление о нравственной мотивации человеческих поступков, как о чем-то внешнем: «Бог, по католическому учению, ищет не святости как общего устройства души, а

¹ Хомяков А.С. Дар песнопенья; О старом и новом; Церковь одна; Труженик. – М., 2007. – С. 267.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 1. Период I (до 527 г.). Период II (510-610 гг.). – М., 2001. – С. 52.

³ Там же. – С. 53.

⁴ Символа Веры.

⁵ Хомяков А.С. Дар песнопенья; О старом и новом; Церковь одна; Труженик. – М., 2007. – С. 264.

именно обнаружения этой святости вовне. А в протестантизме утверждается, что земной успех человека... есть свидетельство Божьего поощрения...»¹.

Эволюция Запада с тех пор связана с воплощением двух отмеченных выше идей, которые порождали разнородные явления. Так, протестантизм стал закономерным следствием католичества, - ведь если Истину может выражать один человек, то почему этого не могут делать все? Католичество «взяло» то, что Христом предназначалось «кесарю» и потеряло «оба меча». Протестантизм, в сущности, не претендовал ни на то, ни на другое, так как религия стала превращаться в «частное дело». По словам А.С. Хомякова, - «Протестантство значит... отрицание догмата, как живого предания, короче: Церкви»². Кроме того, он связывал Реформацию с насильственным распространением христианства среди германских племен³ (например, среди саксов в северной Германии). Религия превратилась в предмет политического торга в эпоху Реформации и Контрреформации, а также в последующее время, когда в Европе существовал принцип «чье государство, того и вера». Безрелигиозное по сути, а даже не по форме абсолютистское государство, стало условием и «питательной средой» для появления идеи, которая развивает это антирелигиозное начало – либерализма. «Мавр» абсолютизма «сделал свое дело» и вскоре должен был «уйти» с исторической сцены, открыв место скрытым формам того же абсолютизма. Точно также, как и в наше время, существует, например, скрытый колониализм – эксплуатация стран «третьего мира», которой уступили место колониальные империи, ставшие «несовременными» после второй мировой войны. И, наконец, современный мир провозглашает «единственной» Истиной человека. По словам Н.А. Нарочницкой, – «Христианская идея преображения мира, обожения человека извращается... в убеждение, что жизнь можно и нужно преобразовывать, исходя не из души, а из вещного мира. Неизбежное сосредоточение на конкретных земных потребностях вело европейского человека, с одной стороны, к равнодушию и теплохладности, с другой стороны, к оформлению общественного идеала и социального протеста, противоположному христианскому – в построении царства человеческого по своим критериям. На уровне духовном... происходит вырождение духа и высших ценностей»⁴, когда эсхатологические мотивы прикрывают вполне «земные» цели (как, например, фактическое уничтожение геополитических

¹ Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. – М., 2007. – С. 129.

² Хомяков А.С. Дар песнопенья; О старом и новом; Церковь одна; Труженик. – М., 2007. – С. 260.

³ Там же. – С. 195.

⁴ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004. С. 39.

соперников, оправдываемое в доктрине американского мессианства), а некогда вселенские устремления утрачивают духовное содержание.

Что и выразилось в знаменитом выражении Р. Декарта: «мыслю – значит – существую». Французский мыслитель сделал один из первых шагов в сторону «освобождения» от религии, но этот шаг, бесспорно, принадлежит к числу самых важных, так как на место веры становится разум, а впоследствии, – на место Творца – человек. По словам католического епископа Марселя Лефевра, – «Субъективизм заключается в придании свободы мышлению, тогда как высокое достоинство мышления состоит, наоборот, в подчинении мышления своему субъекту... Не мышление творит вещи, но, напротив, вещи предписываются мышлению – такими, каковы они есть... Следовательно,... кто ищет истинного, должен отказаться от себя, от построений своего рассудка, отказаться от изобретения истины... Исторически это освобождение субъекта от объекта (от того, что существует) было реализовано тремя людьми. Сначала ЛЮТЕР (Прим: все загл. авт.) отверг авторитет Церкви... Он ввел свободу совести, исходя из ложно понятого библейского вдохновения – вдохновения индивида! Затем ДЕКАРТ и его последователь КАНТ систематизировали субъективизм: разум замкнулся в себе самом, он знает лишь свое собственное мышление... Наконец, РУССО: избавившийся от своего объекта, утративший здравый смысл, субъект остается беззащитным перед общественным мнением. Мышление индивида растворяется в общественном мнении... и такое мнение будет создаваться технологиями группового манипулирования... на наших глазах происходит распад субъекта, готового теперь подчиняться любым разновидностям рабства»¹.

В то время как христианская Традиция говорит о том, что «начало мудрости – страх Божий», а царь Давид восклицает о себе: «...червь, а не человек, поношение человеков и позор людей» (Пс., 21:7). Нетрудно заметить, что в последнем случае видно христианское смирение. «Мыслю» и «верю» – разные стороны мировосприятия. Можно мыслить, но не верить, однако верить, но не мыслить – невозможно. «Мыслю» вообще, вне Бога, и необязательно о нем, – тем самым утверждается «автономность» воли человека, иначе говоря, оправдывается то, что человек, в сущности, превращается в идола, – в предмет поклонения. Была подготовлена почва для воплощения самооценности человека в формуле «свобода, равенство и братство», которое можно понимать как свободу от нравственности, равенство Истины и лжи и объединение человечества на основе двух первых принципов в новое «братство», – в противовес христианскому «братству во

¹ Лефевр. М. Они предали Его. От либерализма к отступничеству. – М., 2007. – С. 63-65.

Христе». Однако, следуя иллюзии «свободы», человек всецело подчиняется этим принципам (что приводит к новому рабству), забывая Слова Библии: «Истина сделает вас свободными». И эти идеи были перенесены в Россию, в то время как, например, по словам митрополита Антония Храповицкого, в частности, Ф.М. Достоевский признавал и нигилизм, и революцию «явлением совершенно наносным, выросшим в Западной Европе на почве борьбы буржуазии с пролетариями при потере тою и другими высших целей жизни...»¹. Отмеченные идеи противоречат также и христианской традиции, – Домостроительству Спасения – действию Христа для Спасения человека².

Важная сторона государственной и общественной жизни, принадлежность самой «идеи государства» – это наличие некоего сверхправового начала. Его же можно назвать и сверхгосударственным. Анализ антихристианской идеологии в настоящее время исключительно важен, поскольку исторический материал вплоть до второй половины – конца XX века не давал столь значительной «пищи для размышлений», как сейчас. В настоящее время и религиозные и светские государства изучаются в рамках одного – «светского» подхода, в рамках только лишь категорий «светской» науки, и неудивительно поэтому, что многие феномены, порожденные религией, религиозным восприятием бытия, не получают должного освещения, в силу которого невозможно их адекватное понимание. Это в полной мере относится к феномену византизма – практическому воплощению христианской модели государства.

Однако на основе только лишь «светского» подхода невозможно в полной мере исследовать явления, порожденные протестом против религии, - например, либерализм, так как они рассматриваются как некие самоценные феномены. Таким образом, непонимание религии порождает непонимание жизни (так как в Евангелии говорится, что Христос «есть Путь, Истина и Жизнь»), не говоря уже о ее смысле и предназначении человека и мира. Поскольку не только исторические условия различных эпох часто диктуют различие моделей поведения человека, но и, что гораздо важнее – поведение людей может быть противоположным в рамках одного, сравнительно короткого, отрезка времени. При этом возможно и сходство мировоззрения и поведенческих моделей между обществами разных эпох. Таким образом, напрашивается вывод о том, что указанные сходства и различия находятся в прямой зависимости от тех идей, которые господствуют в определенную эпоху, в каждом отдельно взятом обществе.

¹ Ф.М. Достоевский и Православие. Публицистический сборник статей о творчестве Ф.М. Достоевского. – М... – С. 11.

² Епископ Николай Мефонский и византийское богословие: сб. иссл. – М., 2007. – С. 190.

Эти процессы находят свое выражение, в том числе, и в науке. И важной проблемой современной юридической науки в России является восстановление исторической преемственности русской мысли, которое в значительной степени также способствовало бы целостной оценке различных феноменов, в том числе, и права. На протяжении XX века Россия утрачивала свои идеалы, и общество в новом веке не может понять даже то, «во что оно не верит», а тем более определиться с тем «во что верить». Отрицание какой бы то ни было традиции стало характерной чертой определенной части общества в России, которое во многом и определило катастрофы в ее истории в прошедшем веке. Однако это отрицание отчасти затрагивает хотя бы на уровне деклараций все общество. Характерной особенностью современной науки является ее «светскость» - то есть многовековой опыт государств и правовых систем, которые основывались на религиозном фундаменте, если и не игнорируется, то, во всяком случае, рассматривается как нечто «низшее» по сравнению с той эпохой, когда право и политика «освободились» от религии, между тем как из поля зрения исследователей исчезает тот факт, что атеистическая мораль – отрицательная, она как раз и живет только лишь за счет отрицания религии, в сущности, по-прежнему «питаясь» ей. По словам Н.А. Нарочницкой, – «вопрос о соотношении современных историко-философских и социологических доктрин и христианского учения важен не только с точки зрения веры и судьбы христианства. Сопоставление категорий и ценностей современного общественного сознания с христианским наследием имеет огромное научное значение и не может не интересовать ученого-обществоведа... поскольку обществоведение по определению исследует воплощение в историческом процессе тех или иных идей»¹.

Однако вопрос о соотношении религии и права, проблема религиозных источников правовых норм интересны в наше время еще и вследствие кризиса современной цивилизации. Таким образом, на основе обращения к источникам, которые говорят о праве как следствии греха, и необходимо исследовать политико-правовую доктрину и политическую практику христианских государств. Нельзя сказать, что такой подход является оригинальным, так как он воспроизводился в разных формах в истории политико-правовой мысли. Однако само развитие политико-правовых доктрин на протяжении длительного времени рассматривалось в виде некоего «магистрального пути» - борьбы «прогресса» и «реакции». Но путь «прогресса» привел к многочисленным негативным последствиям, и, например, голландский исследователь Й. Хейзинга ищет, по словам

¹ Там же. – С. 6.

Н.А. Нарочницкой, «более глубокий подход, понимая, что «события, объяснить которые мы хотели бы в их взаимосвязи, можно рассматривать в противоположных парадигмах добродетели и греха, мудрости и глупости... силы и права, порядка и свободы, интереса и идеи, воли и обусловленности, индивидуальности и массы»¹. Таким образом, существует понимание того, что человечество, – мир, имеют определенную цель существования, и любая философия и политический режим основывается или на религии, или на ее отрицании.

В рамках первого подхода неизбежно отношение к формальному праву как к чему-то «священному», которое, необходимо отметить, не находит своего оправдания, так как правовые нормы создаются человеком. Но если человек, будучи творением (даже и «творением» природы, - продуктом ее эволюции, как в дарвинизме), встает на место Творца, то такой итог представляется вполне закономерным, так как он получает право объявлять по своему усмотрению Истину ложью, и наоборот, а грех отделяется от преступления. Такой «подход» получил свою реализацию, в частности, в истории ряда западных государств, население которых считалось «высшей» расой. Причем указанное замечание относится не только к фашистским режимам, но и к англосаксам, которые «несли» цивилизацию в Африку и Америку вместе с порабощением и истреблением местного населения, а в Азию – вместе с продажей опиума, которая оправдывалась принципом «свободы международной торговли». Такой подход к праву – только отражение глубинных явлений жизни общества, – «начала» будущего разложения, почвой которых служат все государства и народы, хотя и в разной степени.

Для изучения права, как следствия греха, представляется необходимым такой подход к нему, который акцентирует свое внимание одновременно и на идеях, на которых основывается право, и на их реальном осуществлении. Вместе с тем, в рамках этого подхода представляется необходимым выделение и ценностного ядра цивилизации – ее сверхценности, а также изучение той сферы, в которой она проявлялась, раскрывалась в наибольшей степени и, кроме того, результатов этого «раскрытия» сверхценности. Что же такое сверхценность? Она отражает собой нравственный идеал общества. Так, по словам Д. Володина, «внутри любой цивилизации существует невидимое нематериальное ядро, которое для удобства можно назвать сверхценностью. Это набор ключевых истин, которых придерживается социум... Сверхценность воспринимается цивилизацией как откровение. Она

¹ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004. – С. 14.

не может быть углублена, дополнена или модернизирована»¹. И «сверхценностью» для России является Православие.

Указанный подход требует четкого определения в системе ценностных ориентиров. Кроме того, ответы, получаемые «из» религии, стоят несравнимо выше философского знания, поскольку в религии воплощается и реальность, и отвлеченная идея. В силу этого религиозная философия, которая не ставит под сомнение догмы Церкви, предлагает целостное исследование проблем бытия.

Нравственный, или, религиозный закон – нравственная обязанность, основанная на религиозном подчинении, даже в обществе относительных ценностей требует «замены», и все большая роль в регулировании общественных отношений отводится праву. Как пишет Н.А. Нарочницкая: «Категории «личность» и «свобода», наполненные различным содержанием в зависимости от религиозного мировоззрения, не могут иметь универсального толкования... В либеральной философии главный вопрос – свобода «от чего» – предполагает перечисление «ограничителей». Православное толкование ищет ответ на вопрос – «для чего», и поэтому свобода неотделима от нравственного ориентира свободной воли»².

Христианский универсализм говорит совершенно об обратном – об объединении людей на основе Евангельского Откровения, при котором право получает прочное обоснование.

Император Никейской империи – Византии «в изгнании» (когда государство ромеев утратило свою столицу после IV Крестового похода), Феодор II Ласкарис (1254-1258 гг.) писал: «Философия принадлежит грекам, а нынче они ее выживают как иностранку. И поэтому она уйдет к варварам и прославит их. Вся былая духовная нищета последних падет на ее гонителей. Она станет врагом нашим и ополчится на нас. А разве можно справиться с мудростью? Поэтому она либо отдаст нас на погибель, либо сделает нас варварами. Пишу все это, охваченный мрачной тоскою»³. Слова императора применимы не только к его современникам – ромеям, для которых понятие философии было равнозначно термину «мудрость», «начало» которой «страх Божий». Отказ от этой мудрости, от традиций, от ценностей, которые на ней основаны, забвение истории - приводит к гибели государств и народов.

По словам Социальной Концепции РПЦ, «Право призвано быть проявлением единого божественного закона мироздания в социальной и политической сфере. Вместе с тем всякая система права, создаваемая

¹ Традиция и русская цивилизация. – М., 2006. – С. 7-8.

² Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004. – С. 33-34.

³ Там же. – С. 285.

человеческим сообществом, являясь продуктом исторического развития, несет на себе печать ограниченности и несовершенства... Право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества... Однако в тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием...

Иными словами, человеческий закон никогда не содержит полноту закона божественного, но чтобы оставаться законом, он обязан соответствовать богоустановленным принципам, а не разрушать их... Когда же исполнение требования закона угрожает вечному спасению, предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха в отношении Бога и ближнего, христианин призывается к подвигу исповедничества ради правды Божией и спасения своей души для вечной жизни»¹.

Агаджанян Анастасия Владимировна,
преподаватель высшей категории
ФГБ ПОУ «Кисловодский медицинский колледж
Минздрава России»
(Кисловодск)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

«Упорядоченному бытию противостоят хаос и абсурд, то есть бытие неупорядоченное. Хаос ... – это контрпорядок, необратимое смешение элементов системы, ее разрушение. Абсурд выражает обесмысливание предметов и отношений, потерю ими прежнего смысла, короче говоря, он есть контрсмысл»².

Заметим, что вопрос о процессуальных правоотношениях как самостоятельной правовой категории в российской правовой науке до настоящего времени является дискуссионным и недостаточно изученным.

¹ Основы социальной концепции РПЦ // Библиотека Веб-Центра «Омега», 2000. Используются материалы Официального сайта Русской Православной Церкви // <http://www.sedmitza.ru> (дата обращения – 11.04. 2010).

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 542-543.